

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ОБ АЛЬМАНАХАХ 1827
ГОДА

Петр Вяземский

Об альманахах 1827 года

«Public Domain»

1827

Вяземский П. А.

Об альманахах 1827 года / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1827

«Вот три запоздалые альманаха и разбор наш еще более запоздалый! Впрочем, книги наши не имеют срочной поры, после которой не удовлетворяют они минутным требованиям, временному любопытству. Русская книга всегда в пору, может быть именно от того, что она никогда не во время. Самое слово l'à propos не имеет значения ни в языке, мы в быту нашем...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Петр Вяземский Об альманахах 1827 года

I

Вот три запоздалые альманаха и разбор наш еще более запоздалый! Впрочем, книги наши не имеют срочной поры, после которой не удовлетворяют они минутным требованиям, временному любопытству. Русская книга всегда в пору, может быть именно от того, что она никогда не во время. Самое слово l'à propos не имеет значения ни в языке, мы в быту нашем. Нет недостатка, который не граничил бы с выгодой: не расточая сил своих в гоньбе за минутными успехами, мы, может быть, сберегаем их для трудов вековых; не волочась за молвою, мы, может быть, сочетаемся законным браком со славою, то есть с пользою, ибо истинная слава бывает возмездием только истинной пользы. До сей поры все книги наши, за таким малым исключением, что совестно и сказать, и за творениями первоклассных поэтов наших, только одни упражнения в письменной гимнастике, по коим мы судим о степени способностей каждого упражняющегося и о успехах общих в самом искусстве. Этот приговор строг, но справедлив. Докажем истину его следующим вопросом: может ли человек не запоздалый, а понятиями и умственными требованиями современник настоящей эпохи, может ли он ограничиться одним продовольствием Русских сочинений? Где мог бы он не только найти источник для приобретения новых понятий, но даже побудительную силу для приведения старого запаса в движение? Грустно признаться, но большая часть литераторов наших отстала не только от Европейских собратий своих, но даже и от многих соотечественных читателей. Мы удивляемся, что нас мало читают. Но кому же нас читать? Наши необразованные люди не любят чтения, а иначе они были бы образованными: образованным у нас читать почти нечего. Мы для одних не пишем, и пишем не для других. Вот решение задачи неприятной, но это так. Между тем, мы и не замечаем, что желание оправдаться в замедлении разбора книг, за несколько месяцев вышедших, завело нас слишком далеко. Оправдываясь перед читателями, ссоримся с своею братиею, которая не посмотрит на то, что и мы приносим повинную голову. Это и не по братски и не расчетливо. Читатели – люди посторонние, а к тому же не злопамятные; писатели – свои люди, а между своими уже нет прощения. Отвлеченные же наши сетования тем более здесь неуместны, что мы собираемся дать отчет в чтении трех книг, из коих каждая, по своему размеру, имеет внутреннее достоинство. Начнем с гостии небывалой и издалека.

Астраханская Флора. Карманная книжка на 1837 год. Заглавие два раза вводит читателя в обман. По первому прозванию подумаешь, что это сочинение ботаническое; по другому можно подумать, что, на подобие других карманных книжек на такой-то год, и эта представляет собрание сочинений и переводов разных писателей, одним словом, литературный альманах, хотя впрочем и это название принято у нас злоупотребительно. Календарь, альманах – слова, из коих первое производится из Греческого и Латинского языков, а другое, по мнению иных из Арабского, других из Арабского и Греческого, третьих из древнего Саксонского, означают по смыслу своему разделение годового времени: во Французских и Немецких альманахах, посвященных литературе, все есть одно отделение, содержащее в себе то, что именно до альманаха относятся. Мы в своих книжках, отбросив существительное, удержали одно прилагательное. Это не беда: замечаем не в укоризну, а так, глядя на других, пришлось в речи попедаментствовать с лексиконом перед глазами. Таким образом *Астраханская Флора* не флора, *Карманная книжка* – не альманах, и книжка едва-ли карманная, по крайней мере, по нынешнему покрою наших платьев. Но и это не беда. Г-н росенменер, издатель

Астраханской Флоры и по-видимому единственный участник в стихах и в прозе, в ней помещенных, может быть, обманул некоторых читателей двусмысленным заглавием, но во многом трудами своими оправдал требования тех, которые ожидают от книги им предлагаемой чтения приятного. Это главное. Весело думать, что из Астрахани, которая доныне подчиняла столицы одними хваленными арбузами, получают стихи и проза, которые не были бы лишними в любом столичном журнале. Весело узнать, что там, где по предубеждению нашему, пускаются в оборот одни ограниченные понятия полудикой торговли, там между тем мысли и чувства Клейста, Гердера, Шиллера, Маттисона, Тидге находят отзыв и передаются нам на языке отечественном, вместе с мыслями и чувствами оригинальными. Для полного патриотического удовольствия, можно желать, чтобы книга, составленная в Астрахани, была там и напечатана; но видно легче иметь авторов, чем типографщиков. У нас есть Державин, но нет еще Дидота. Впрочем, на этом можно помириться: пускай пока печатают в столицах, а мыслят везде. Однако же мы можем похвастаться старинною библиографическою редкостью в этом роде. В Тобольске, в типографии В. Корнильева, в 1791-м году, издавалось от Тобольского главного народного училища и с дозволения управы благочиния, ежемесячное сочинение, под названием *Иртыш, превращающийся в Ипокрену*. Панкратий Сумароков был главным редактором его и некоторые из его стихотворений, тут помещенных, перепечатаны после в *Аонидах*.

В людях и в книгах должно добираться всегда красок и оттенков характеристических и местных: первые наши выборы в *Астраханской Флоре* пали на следующие статьи: поездка на ватагу, странствование по протокам Волжским, о концерте в Астрахани, вечер в Татарском ауле, разговор между Астраханским помещиком и тамошним Армянином. Из статей, здесь упомянутых, узнаем о красотах живописной природы Астраханской, о некоторых любопытных подробностях, свойственных тому краю, об удовольствиях общества в городе; мы рады, что доходят до нас слухи о концертах, которые приучают уши Персидские, Индийские, Армянские к согласным строям Моцарта, Роде, Фильда, Чимарозы. Из последней статьи узнаем о нравственности Армянина Хачатура Аравеловича, чего кажется, ни нам, ни другим читателям нужды знать не было. Из переведенных пьес в прозе, лучшею по языку и отделке показалась нам, отрывок из Маттисоновых воспоминаний: *Гора св. Бернарда*. В переводе некоторых парамифий Гердеровых, язык, кажется, слишком тяжел: в изложении подобных аллегорий нужно более игривости и свободы. Есть в рукописи полный Русский перевод сего замысловатого творения Гердера; желательно, чтобы переводчик, известный у нас по своей ясной и твердой прозе, хотя и редко он является у нас на авторской сцене, напечатал свой перевод, который, без сомнения, будет подарком нашей литературе ¹. В числе других переводов, помещенных в *Астраханской Флоре*, находим Немецкую повесть: *Семейственный роман и Волшебный колпак*, комедию Коцебу, переложенную на древние Русские нравы. В них нет прямо литературного достоинства и напрасно занимают они около трети книжки, которая от них толще, но не лучше. Немец, переделанный на Славянский лад, смешение Коцебу, Добрыни и Бояна, все это слишком сбивается на бенефисную литературу наших драматических приспешников. Может быть, эта комедия на сцене и позабавила бы зрителей. — Переводчик её, не хуже водевильных переводчиков, был-бы, как водится, после представления вызван кликушами приятелями на показ перед публику, но читатели хладнокровнее и рассудительнее зрителей; к тому же, г-н росенменер, по выбору других переводов своих, являет в себе сведущего литератора и, следовательно, должен быть строже сам в себе. Нам сдается, что издатель *Астраханской Флоры* еще молодой человек, недавно поступивший в ряды писателей. По крайней мере, желаем достоверности нашему предположению; тогда, при дальнейшем упражнении и прилежнейшем изучении свойств нашего языка и образцов

¹ Речь идет о Дмитрие Васильевиче Дашкове, бывшем Министре Юстиции.

нашей литературы, он, без сомнения, успеет исправить слог свой в прозе и набить руку на стихи, которые у него иногда отзываются ученической неопытностью. Если же он уже в летах и может начесть несколько шевронов на службе Музам, то, отбывая надежды свои на будущее, останемся с благодарностью при том, что есть, надеясь только, что на будущий год Астрахань удержит свое место в статистико-литературной карте России. Пускай только более знакомит она Россию с собою, с природою своею, с жителями, обычаями их, с преданиями историческими, и мы обещаем литературному представителю её уважение и признательность читающих соотечественников. К сожалению, многие из наших провинциальных писателей просятся в столичные и тем теряют цену свою и свой туземный вкус и запах. Для гостеприимного и радушного привета им в столицах, нужно, напротив, оставаться им провинциалами; но, разумеется, провинциалами умеющими хорошо и дельно говорить о провинции своей.

Литературный Музеум. В Литературном Музеуме явился вновь, как издатель, автор² и писатель заслуженный, которому наша литература обязана хорошими журналами, хорошими переводами и сочинениями. Радуемся новому обращению его к авторской деятельности. Начальная статья в *Литературном Музеуме*: Краткое обозрение 1826 года, писанное издателем. Первая половина в ней политического или, лучше сказать, газетного содержания и кажется неуместна. У нас еще нет и быть не может языка политического; ибо ни язык официальный, ни язык дипломатический не есть еще истинный язык публициста. Краткое обозрение современных событий не политическая история, а просто цветистая амплификация современных газет. Зачем же автору приниматься не за свое дело? События, которые он описывает, еще свежи в памяти читателей современных; потомкам же описание его будет излишне и недостаточно, ибо оно ничего им не разгадает и ни в чем не различествует с тем, что газеты передали подробнее и полнее. Есть время для летописей, которые ныне называются газетами, придет время и для истории. Современники могут быть только рукописными летописцами или печатными газетчиками. В переходе от политика к литературе, автор изложил весьма хорошо несколько нравственных мнений о самом достоинстве литературы нашей, и заключения его — не благосклоннее тех, которые мы обнаружили выше. «Давно сказано, говорит он, что нет у нас главного достоинства: мыслить и заставлять мыслить других».

Только явления этой *безмысленности* приписываем мы с автором причинам различным. Он полагает, что писатели наши претворяются и сжимаются, что они, стоящие выше народа своего, не простирают полета своего на пределы некоторой посредственности. Мы, с своей стороны, не подозреваем их в лукавстве и признаем в них более откровенности. Писатели наши, за исключением весьма, весьма немногих, не выше народа своего, ибо нельзя определить высоту их тем, что они лучше большей части читателей своих знают, где поставить *e* или *e* и как удовлетворить прихотливым требованиям нашего письменного языка. У нас есть государственные правители, полководцы, негоцианты, художники, а нет ни по одной из частей их сочинения полного, руководства надежного: следовательно, не народ в долгу у писателей, но писатели у народа.

В литературной половине обозрения находим отчет о книгах, ознаменовавших, преимущественно, письменное бытие 1826 года; в суждениях автора отзывается вкус верный и опытный, за исключением некоторых приговоров, подлежащих сомнению. Например, мы согласны с автором, что в творениях Глинки (младшего) виден прекрасный отпечаток его души, ума и дарования, но находим неуместными следующие слова: «в подражаниях Корану Пушкин является счастливым соперником Глинки». О мастере своего дела, о поэте, который, по словам самого г-на Измайлова, готов, кажется, захватить один высоты Парнаса,

² Владимир Измайлов.

нельзя сказать, что он счастливый соперник человека с дарованием, это правда, и с дарованием отличным, но все не первенствующим. Вообще находим, что определения автора во всей этой статье слишком безусловно похвальны. У нас обыкновенно нет середины между панегириком и сатирою, похвалою и бранью. Боясь раздражить самолюбие ближнего, мы настраиваем речь свою на торжественный лад и похожи на жрецов, коленопреклоненных перед кумирами. Автор обозрения позволяет себе общие укори́зны, но в частном применении он держится неотступно похвалы неограниченной. Кажется, должно следовать совершенно противоположному правилу.

В общем объеме есть всегда нечто хорошее и удовлетворительное; в частности должны неминуемо быть недостатки. Указывайте на них смело и без лицепрития, а не то в ваших поголовных мадригалах ничего не будет поучительного. В доказательство, что раннему историку трудно быть зрелым в суждениях своих, заметим противоречие, в которое впал автор как политик и литератор. В первой половине обозрения своего, на стр. 7, говорит он о Наполеоне «и раздавшаяся по земле слава едва не умолкла на его гробе под стоном вселенные и укори́знами века». В другой половине, упоминая о сочинении Пушкина, говорит он в стихотворении: *Наполеон*, хотя и не столь обильном великими красотами (как стихотворение: *к Овидию*), чего не искупят сии мысли и стихи:

Великолепная могила!..
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит.

Если мы, по убеждению своему, не могли безусловно похвалить эту статью, которая, впрочем, отличается многими хорошими мыслями и благородными чувствами и вообще писана приятным слогом, то спешим с удовольствием похвалить беспрекословно и по всем частям другую статью издателя: *Русский наблюдатель в XIX-м веке*. Тут мысли, мнения и самое изложение оных – все примечательно, все убедительно. Не связанный посторонними уважениями, автор говорит независимо и откровенно все, что внушено ему умом просвещенным, сердцем благородным и патриотическою благонамеренностью, и говорит языком образованного литератора. Одним словом, *Русский наблюдатель в XIX-м веке* есть и Европейский писатель XIX-го века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.